

Виталий Полищук

**Частная
(честная)
жизнь, или
Что
выросло,
то... увы!**

Виталий Полицук
Частная (честная) жизнь,
или Что выросло, то... увы!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18151382

ISBN 9785447461669

Аннотация

Виктор Андрейчук, бывший инженер-атомщик, уходит на пенсию по спецсписку – ему еще нет и сорока лет. Находясь в Москве проездом, он встречается посреди улицы с девушкой – молодой мамой Женей с пятилетним сыном Ваней. Женя хочет нанять Виктора на работу в качестве папы для Вани – настоящий отец мальчика бесследно пропал два года назад. О том, как справился Виктор с поручением, о судьбе его, Вани и Жени рассказывается в романе, написанном в жанре русского триллера.

Содержание

Предисловие	5
Часть 1-я.	17
Глава 1-я	17
Глава 2-я	26
Глава 3-я	34
Глава 4-я	43
Глава 5-я	52
Глава 6-я	61
Глава 7-я	78
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Частная (честная) жизнь, или Что выросло, то... увы! Виталий Полищук

© Виталий Полищук, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я сидел в кресле напротив большого телеэкрана, на котором что-то пела Катерина Голицына.

Звук был почти отключен, мелодия и слова поэтому – почти не слышны, однако же приятно обволакивали и словно бы убаюкивали.

Я обдумывал свой новый роман. Находясь одновременно в состоянии полурасслабленности-полудремы, и именно поэтому, наверное, мои фантазии как-то незаметно вдруг принялись переплетаться с реалиями. Вот так, окунувшись в прошлое, я как-то незаметно и уснул.

И именно во сне мне вновь вспомнилось в с е.

Предисловие

Даже не знаю, с чего начать эту невероятную историю, случившуюся со мной... О событиях, которые произошли, увы, на середине – переломе моей жизни. А не в далекой юности, когда и свободой горим, и сердца для чести живы, и вообще – именно в молодости нашей и должно происходить все невероятное, потому что тогда-то и протекала наша полнокровная, настоящая жизнь!

А ныне... что ж, ныне – прозябание, свойственное временам возрастной преклонности.

Пожалуй, все-таки начну с совершенно случайного знакомства. Которое произошло десять лет назад в Москве ранним утром на разделительной полосе асфальта улицы Панферова, что пересекает проспект Ленина невдалеке от выхода метро «Университет».

К этому выходу метро я, кстати, и направлялся.

Было около семи утра, сентябрьское солнышко еще только-только всходило, но поток автомашин на улицах столицы был уже плотным, причем автоводители – наглецы, дальше некуда – я стоял на пешеходном переходе, прямо на середине улицы, то есть на разделительной полосе, и терпеливо ожидал.

Ждал, пока хотя бы у одного из водителей заговорит совесть, и он в соответствии с правилами движения затормозит, автопоток остановится, и я смогу на законном основании спокойно пересечь улицу по «зебре» пешеходного перехода.

Терпения мне было не занимать, этому меня научила профессия – но о ней чуть позже. Так что я не злился, стоял себе, ждал и размышлял о своем, мальчуковом, и даже не сразу заметил, что стою уже не один. Рядом, держа мальчика лет пяти за руку, оказалась в этот момент молодая мама, которая почему-то не задержалась на разделительной линии, а вознамерилась шагать через улицу и дальше, не взирая на несущиеся блестящие тойоты, вольво, мерседесы и БМВ.

Клянусь, если бы я, резко присев и вытянув в сторону руку, не придержал эту пару, громадный черный джип, который пронесся мимо на скорости километров 90 в час, не притормозив и даже не бибикнув, сшиб бы их.

Водители двух следующих машин, успевшие разглядеть происходящее на переходе, тут же затормозили и пропустили нас.

Инстинктивно я крепко взял за свободную руку малыша и все вместе, словно бы тесной семейной тройцей, мы миновали дорогу.

– Что же вы так... – начал я, поворачиваясь к спасенным лицом и совсем уже собравшись было прочитать им нота-

цию, но тут увидел лицо и глаза девушки. Они поразили меня.

Ее лицо было необычно скуластым, верхняя и нижняя пара скул, слегка выдаваясь, делала его каким-то угловатым и на первый взгляд даже ассиметричным. Ее прическа... ну, если это можно было назвать прической, представляла из себя пучки светлых волос, торчащих в разные стороны и на первый взгляд волосы эти выглядели грязными и спутанными, но уже через пару секунд я понял, что все не так – это нечто сложное, причем такое сооружение из волос стоило, скорее всего, весьма дорого.

Но, конечно, не это поразило меня. Как я упоминал выше, меня буквально потряс взгляд ее больших голубых глаз.

Он выражал страдание и муку. И страх, но не страх от только что пережитого на дороге – это был глубинный и долговременный страх, скорее даже ужас от чего-то перенесенного недавно.

Язык мой тут же прилип к гортани – какие уж тут нравоучения... Я замолк, не зная, что сказать, а сказать ведь что-то было просто необходимо, ну, не бросать же человека в т а к о м состоянии...

И тут вдруг подал голос мальчик. Он внезапно обхватил мои колени, прижался к ним и крикнул:

– Папа! Папуля!

Я замер, не зная, что делать. Как-то машинально я погла-

дил мальчугана по вихрастой голове и поднял голову, уставившись в лицо матери – что происходит, взглядом вопрошал я.

Она сделала шаг ко мне, приблизила лицо к моему уху и прошептала:

– Пожалуйста, не отрицайте, только не отрицайте! Я вам все объясню!

Я подхватил на руки мальчика, тут же крепко обнявшего меня и уткнувшегося лицом в мою шею, и сказал:

– Ну, здравствуй, с ы н о к!

Так началось то, что с большой натяжкой можно было бы назвать приключением. Увы, лишь первое, весьма короткое, время.

Предшествовало же всему этому следующее. Хотя нет, лучше уж я начну издалека.

Родился я в 1952 году в Азербайджане, в маленьком городке Хачмас, что на границе с Дагестаном. Для слабо знающих географию – это Северный Кавказ, побережье Каспийского моря и регион влажных субтропиков.

Отец мой – офицер, демобилизовавшийся по ранению в самом конце войны, приехал по эвакуации в Азербайджан, здесь женился, закончил вечернее отделение юрфака, и году эдак в 1960 мы переехали на его родину – в Западную Сибирь на Алтай.

В то время здесь полным ходом строились оборонные предприятия. Чаще всего они относились не к Минобороны, а к так называемому Министерству среднего машиностроения. Ну, была в СССР такая форма сокрытия от взоров мировой общественности части оборонной промышленности – называлась она «средним машиностроением».

Отец работал прокурором одного из степных районов Кулундинской степи, мама была учительницей.

Именно в Кулундинской степи были несколько озер, вода из которых представляла собой р а п у – так назывался раствор редчайших солей. На берегах озер быстро возводились секретные номерные химкомбинаты, работавшие, в частности, и с радиоактивными материалами. Все вышесказанное и определило мою судьбу. После окончания школы меня пригласили в райотдел КГБ и предложили поступить на учебу в высшее учебное заведения под названием КИП Минсредмаша.

Ну, а чему вы удивляетесь? Ведь были же КОС Минобороны в Балашихе под Москвой – курсы переподготовки офицерского состава, на которых фактически готовили профессионалов высшего класса для «Альфы», «Вымпела» и «Витязя»...

А наши курсы подготовки инженерного персонала Минсредмаша располагались в краевом центре Барнауле и готовили уникальных специалистов для работы в спеццехах и спецлабораториях химпредприятий Министерства средне-

го машиностроения... То есть фактически – на предприятиях оборонки.

О, это были очень своеобразные учебные курсы. Нас учили не столько собственно инженерному делу, сколько специфическим умениям быть терпеливыми, внимательными, хладнокровными. И по большому счету – бесстрашными.

Нам предстояло работать под землей, в защищенных свинцовыми стенами помещениях, и весь наш рабочий день состоял из следующих этапов.

Медосмотр – причем не формальный, как у шофера перед выездом на линию, а углубленный. Состояние здоровья перед спуском в шахту должно было соответствовать медицинским стандартам не менее чем на 99,98 процента...

Затем надевание спецкостюма. Этот этап включал проверку костюма сначала техником, затем каждым из нас, и только после этого мы обряжались в громоздкое одеяние, напоминающее скафандр глубоководника. Весь этап отнимал почти час времени.

Спуск в помещение спеццеха (мы называли этот этап «спуском в шахту») отнимал почти полчаса. По пути вниз проводилось дезинфекция костюма – обмыв его водой и сушка.

Работали мы по двое, причем один совершал все рабочие операции, второй был на подстраховке и кроме этого контролировал действия основного инженера – чтобы не перепутал показания приборов, правильно осуществлял регулиров-

ки аппаратуры. Ну, и в случае, если произойдет «ЧП» (например, вдруг потеряет сознание один из нас) второй был обязан довести процедуру регулировки аппаратурных блоков до конца и только затем совершить все действия согласно аварийного регламента.

Непосредственно в лаборатории под землей можно было находиться не более получаса.

Основной инженер поочередно снимал показания приборов, сверял их с нормативными в журнале, делал запись. Если показания отклонялись, следовал доклад наверх, где в это время находились представители конструкторской группы, те давали рекомендации по осуществлению регулировок, после чего оставалось пощелкать несколькими переключателями и повернуть некоторые тумблеры, приводя стрелки приборов в нужное положение.

За 5 минут до окончания 30-минутных работ ревела сирена и начинала мигать красная лампа. Инженер-дублер быстро проверял еще раз показания приборов, запрашивал разрешение на выход из помещения лаборатории и начинался самый мучительный этап – подъем. Он длился около часа, в это время костюмы снаружи несколько раз обрабатывались спецсредствами, высушивались, а перед выходом «из шахты» наружу внимательно исследовались механическими манипуляторами, снабженными различными приборами-искателями.

Если не было радиационного фона, химического зараже-

ния и еще бог знает каких опасностей, мы выходили наружу.

Из костюмов нас осторожно извлекали техники, и теперь уже наши тела тщательно «обнюхивались» датчиками. Затем нас обследовали врачи.

Далее следовал обед в столовой – рацион был выше всяких похвал! – и после часового отдыха нас вновь осматривали медики. Только после этого служебный транспорт развозил нас по домам.

На следующий день все повторялось, только теперь дублером был второй из нас.

Выходной день – воскресенье. В этот день в нашем подземном «бунгало» колдовали ученые – это был их день регламентных работ.

Каждые три месяца у нас был трехнедельный санаторий плюс неделя отпуска «для решения личных вопросов».

Каждые три года – двухмесячный отпуск (естественно, с обязательным трехнедельным пребыванием в санатории) и отдыхом на Черном море. Или – в другой местности, «по желанию заказчика».

Конечно, уже после нескольких первых смен нам становилось ясно, что все мы – смертники. Но что было делать?

На пенсию мы выходили в 35 лет, отработать «под землей» необходимо было 10 лет. Поэтому сразу после окончания учебного заведения КИП мы несколько лет работали наверху – изучали устройство костюмов, проводили тренин-

ги по моментальному латанию порванной ткани скафандра, использованию спецмедикаментов (на бедре у нас была аптечка с десятком препаратов, причем каждый из них в случае необходимости нужно было колоть строго в определенное место тела.

Поэтому, когда через два-три года мы начинали работать под землей, мы могли себе оказать первую помощь столь отработанными движениями, что наверное, напоминали в это время не людей, а скоростных роботов.

То есть риск заражения, казалось бы, был сведен к «нулю».

Да и дипломы нам на руки не выдавали. В трудовой книжке, в анкетах указывалось «высшее инженерное образование», а дипломы свои мы в руках держали лишь несколько минут, когда нам их вручали, а затем представитель первого отдела забирал их и хранились наши документы об образовании аж в министерстве в Москве.

На руки нам их не выдавали даже после выхода на пенсию. А пенсию нам назначало также министерство, и размер ее по советским-то временам был ого-го! Триста пятьдесят рублей.

О размере зарплаты умолчу, о точном месте расположения комбинатов – тоже. Ну, а какую продукцию выпускали комбинаты – мы, собственно, и не знали.

Так что в этот сентябрь мне исполнилось 54 года, причем на пенсии я был уже почти 20 лет.

Да, упомяну, что после 90-го года, когда Минсредмаш был упразднен, у господ демократов не поднялась рука лишить нас пенсии – наши деньги были размещены среди льгот чернобыльцев, «семипалатинцев» и прочих пострадавших.

Да к слову сказать, подобных мне пенсионеров-«минсредмашевцев» в живых осталось несколько сот всего. На всю огромную страну...

...Мы шли по пока еще пустынной аллее, мальчик весело бежал впереди, а вот его мама почему-то взяла меня за руку и теперь крепко держала меня. Помолчав какое-то время, я спросил:

– Как хотя бы звать моего сына?

– Ванечка... А меня – Евгения...

– Очень приятно... – я хмыкнул и в свою очередь представился: – Виктор.

Ваня тем временем вернулся к нам, снова обнял мои колени и спросил, вновь загоняя меня в тупик:

– Пап, ты никуда больше не уйдешь от меня? А, пап?

Я повернул лицо к Евгении. Она смотрела на меня с мольбой.

– Пожалуйста... – чуть слышно прошептала она.

Я подхватил мальчика на руки. Я прижал его к себе, понимая – нужно быстро что-то решать. И я сказал, прекрасно осознавая, что делаю глупость, что это – авантюра.

– Конечно, нет, Ванечка! Ну, если только командировки

будут...

Так я попытался навести мосты к возможному отступлению. Увы, они чуть было тут же не обрушились. Потому что умненький мальчик принялся выпытывать, что такое командировки, а узнав – принялся скрупулезно уточнять сроки возможного отсутствия папы.

Я выкручивался, как мог. И разозлился на Женю, но когда Ваня вновь побежал вперед, она как-то сразу ссутулилась, глаза ее поблекли и она тихонько сказала:

– Первый раз вот так вот бежит один впереди... Как все дети.

Губы у нее задрожали и я прикусил язык. Однако, помолчав какое-то время, я не мог не спросить у нее:

– Женя, давайте все-таки объяснимся. Это же ребенок живой, не кукла какая-то. Что мы будем делать дальше?

Она остановилась, схватила меня за обе руки и спросила:

– Вы москвич?

Глаза ее светились надеждой.

– Нет, я проездом в Москве, но если нужно – могу задержаться.

И тут она сделала то, чего я ну никак не ожидал. Она обняла меня, прижалась ко мне и каким-то горячечным шепотом заговорила на ухо:

– Спасибо вам! Спасибо! Я все вам объясню! Вы поймете!

Подбежавший именно в этот момент коварный ребенок закричал во весь голос:

– Мама с папой целуются!

После чего «мама с папой» с пунцовыми лицами отпрянули друг от друга.

– Куда мы идем? – чтобы как-то сгладить неловкость, спросил я.

– Вот сюда! – Евгения, отвернувшись от меня и поправляя волосы, показала рукой на стоящий метрах в пятидесяти слева новенький красного кирпича дом какой-то необычной архитектуры. – Здесь мы с Ваней и живем. Пойдемте, я накормлю вас завтраком и все, наконец, объясню, хорошо? А вы расскажите о себе...

Я вздохнул, смиряясь с неизбежным.

– Ладно.

Часть 1-я.

Что выросло, то – увы!

Глава 1-я

Мы сидели на кухне напротив друг друга за шикарным столом (по-моему, красного дерева), прихлебывали мелкими глоточками горячий свежесваренный чай, и молча разглядывали друг друга.

Было уже восемь часов, о чем только что сообщили боем за нашей спиной старинные часы, висевшие на стене огромной прихожей. Ваня спал в своей комнате на втором этаже этой странной квартиры.

Что я имею в виду? Размеры, двухуровневость, какую-то запредельную дороговизну всего, что находилось внутри. Для меня, провинциала и по большому счету – бедняка, это все, естественно, было странным.

Вообще-то странной была не только квартира. Станным был и дом, в который мы вошли полчаса ранее.

Сооружение это напоминало собой овальной формы башню этажей этак на 15—20 – я считать не стал. Двери единственного подъезда были зеркального темного стекла и снабжены фотоэлементом – при нашем приближении створки

разошлись и изнутри повеяло теплом.

Не смотря на то, что был всего лишь конец сентября, отопление здесь уже было включено.

По резиновой дорожке мы подошли к открывшимся створкам внутренней двери, и вступили в вестибюль типа банковского.

Вам приходилось бывать в вестибюле крупного европейского банка? Мне – нет, но я всегда представлял себе банковские вестибюли именно такими – просторными, ярко освещенными, с высоченными потолками и охранником в будочке за пуленепробиваемым стеклом.

Из соответствия увиденного моему представлению о банках выпадала лишь одна деталь – посередине вестибюля находилась круглая прозрачная шахта лифта, тянущаяся в неведомую высь и, словно металлической змеей, обвитая широкой винтовой лестницей, ведущей снизу вверх.

Ступени лестницы, выполненной из алюминиевого сплава, были накрыты ковром блеклого рисунка, но по высоте ворса – явно из разряда недешевых.

Увидев нас, пожилой охранник встал с места, вышел из своего помещения и, слегка склонив голову, сказал:

– С добрым утром, Евгения Борисовна!

– Здравствуйте, Иван Иванович, – ответила Евгения, а Ваня добавил: – Привет, дядь Вань!

Мы двинулись дальше. Я смотрел на увешанные картинами и горшками с растениями стены, и мне страшно хотелось

наклониться и пальцем провести по мраморной плитке пола – плитки блестели и казалось, что на полу не было ни пылинки.

– Нам на третий этаж, нечетный, – сказала Евгения, протягивая руку к кнопкам лифта, но я придержал ее за локоть.

– Давайте по лестнице, – попросил я. Меня поразила фраза: «На третий нечетный – что, бывает третий ч е т н ы й?»

Поднимаясь по лестнице я понял – бывает! Еще как бывает!!!

Как оказалось, дом был спроектирован следующим образом. По одну сторону на каждой лестничной площадке было несколько квартир на каждом этаже, а вот на другой – двери квартир были лишь на нечетных этажах – 3-м, 5-м и так далее. Соответственно и блоков с кнопками в лифте было два – пользуясь блоком только с нечетными кнопками, можно было остановить лифт только лишь на нечетных этажах. Почему было так – я понял, когда мы вошли в квартиру номер три. Дверь ее была одна на всей стороне площадки, а сама квартира занимала два этажа, или, как принято говорить – была двухуровневой.

И никаких дверей на следующем этаже на этой стороне площадки не было.

Не хочется описывать величину прихожей, ширину лестницы, ведущей на второй этаж, высоту потолков и метраж комнат. Просто в какой-то момент я с грустью вспомнил свою квартиру в Барнауле, двухкомнатную, общим метра-

жом что-то около 40 квадратных метров. Включая площадь лоджии.

Так как глаза у Вани слипались, я взял ребенка на руки и в сопровождении Евгении отнес в его спальню – на втором этаже.

Уложив мальчика, мы вышли и Евгения молча открыла дверь соседней комнаты.

Это была игровая. Видели детские комнаты в голливудских фильмах, ну, те, где полно игрушек, стоят роботы в полный человеческий рост, к потолку подвешены огромные ракеты и самолеты, и все такое прочее?

Тогда я умолкаю – все это было в наличии и здесь.

Да, забыл упомянуть. Перед тем, как заснуть, мальчик достал из-под подушки какую-то фотографию, поцеловал ее и засунул обратно. Кажется, я догадался, кто был изображен на этом фото.

А потом была душевая, завершилось же все чаепитием в столовой.

– Ну, что, Женя, давайте объяснимся, – сказал я, видя, что девушка старательно пытается не смотреть мне в глаза, отводя взор в сторону, – а то ситуация получается какая-то глупая. На фотографии у Вани в спальне – отец мальчика, верно? Мы что, так схожи с ним?

Она кивнула.

– Он, конечно, моложе, но Ване было три года, когда он исчез. Поэтому внешне папа для него – вы, да и я, признать-ся, когда он закричал первый раз «Папа!» чуть было не приняла вас за Леню.

Я решительно допил чай, со стуком поставил чашку в блюдце, и сказал:

– Вот что, Женя! Давайте все по-порядку.

Испуг из ее глаз так и не прошел, но она все-таки собралась с силами и вскоре я знал все.

Евгения вышла замуж рано – ей было всего девятнадцать, жила она с родителями, только-только поступила в художественное училище, где и влюбилась в одного из преподавателей – художника с претензиями гения, живущего в собственной студии на окраине Москвы и здесь же творящего свои шедевры.

Брак был, как сейчас принято говорить, гражданским, Евгения вышла замуж втайне от родителей и брата – просто однажды собрала вещи и исчезла. Естественно, ее нашли, но к тому времени молодая здоровая девушка уже была беременной, так что что-то отыгрывать обратно было поздно.

Сорокалетнему лавеласу-интеллектуалу ее брат начистил лицо – на том все и кончилось. А через год его сестра родила сына. И с этого начались проблемы.

Муж Леонид против постельных утех не возражал, а вот ребенок ему мешал. Сначала тем, что кричал, потом приня-

ся ползать везде, даже там, где не надо – ну что было взять с Ванечки – дите!

Когда же в трехлетнем возрасте однажды Ваня, наверное, решив пойти по стопам любимого папы (нужно сказать, что Ваня действительно очень любил отца) – а может быть, решив папе помочь – воспользовался красками и кистями и в отсутствие Леонида и Евгении, которые вышли на полчаса в ближайший магазин, взял – и дорисовал начатую папой неделей ранее картину, разъяренный гениальный художник-авангардист просто выбросил мать и ребенка на улицу, крича:

– Это был мой шедевр! Вы – просто насекомые, вас давить надо!

И никогда не пустил обратно.

Здесь, (каюсь!) я почему-то подумал, что коль папа – художник-авангардист, то что там на его картине мог испортить трехлетний ребенок, слегка поведив кистью по начатому холсту?

По моему мнению, Ванечка просто не мог испортить картину авангардистского толка... Не имел физической возможности.

Через неделю брат Евгении Юрий приехал в студию за вещами, которые перевез в эту новую, купленную ранее им для сестры с мужем квартиру.

Сестра так и осталась здесь с Ваней, училище, не закончив обучение, бросила, а Леонид в ее жизни больше никогда

не появлялся. А вскоре исчез из училища, из своей студии, да и вообще из Москвы.

Юрий как-то обмолвился при сестре, что навел справки и узнал, что Леонид уехал в США.

Ванечка же с тех пор стал ложиться спать только с фотографией отца под подушкой. Стал дерзить, не слушаться, требовать папу.

Например, наотрез отказался учиться читать – до сих пор он делал вид, что даже не знает букв алфавита. Впрочем, может, и действительно не знал. По крайней мере – всего алфавита.

Через год, в университете, в который она поступила учиться, Евгения познакомилась и вскоре близко сошлась со своим сверстником-студентом. Они стали жить вместе, Ваня, правда, его не признавал, словно чувствовал в дяде Вове некую гнильцу.

И действительно – студент оказался алкоголиком, начинающим наркоманом и вдобавок принялся распускать руки – нет-нет, да и ударит Евгению...

Однажды, придя пьяным, Владимир забыл запереть за собой входную дверь. Сразу, что называется – сходу, он принялся поучать Евгению, потом ударил ее по лицу, не заметив, что сзади стоял брат Евгении Юрий, неслышно вошедший следом. Юрий схватил студента за шиворот, выволок за собой наружу, и вот уже неделю дебошир не появлялся ни у Евгении дома, ни на занятиях в университете.

А вчера... Тут глаза девушки вновь налились ужасом, она сжала ладонями щеки и затрясла головой. Вчера в университете во время учебного спиритического сеанса кто-то шуточки ради вызвал дух товарища, и голос Володи сказал, что его убила Евгения с братом...

После этого она побоялась ночевать дома, и вместе с Ванечкой поехала к подруге.

От нее-то они и возвращались сегодня утром... Как говорили раньше, в полном смятении чувств. Поэтому чуть не попали под машину...

Весь этот сумбурный рассказ, честно говоря, не сразу уложился у меня в голове. Ну, уехал муж, бросил сожитель, что-то там произошло на каком-то сеансе – откуда такая резкая реакция, этот страх, этот ужас на лице?

– Вот что! – сказал я. – Идите-ка вы к Ване, ложитесь к нему и постарайтесь заснуть! Дайте мне ключи – я схожу в магазин, на ближайший рынок, куплю продукты и приготовлю еду – я ведь заметил, что у вас в холодильнике шаром покати!

«И нужно зайти к моему братцу, сказать, где я нахожусь...» – подумал я, спускаясь в лифте. Надо же было освоить технику!

Я уже понимал, что крупно вляпался. Об этом мне прямо-таки вопило мое милицейское чутье.

Почему милицейское? Можно и рассказать.

Я узнал у охранника внизу, где ближайший рынок, заодно мы познакомились и я сообщил, что по всей вероятности, какое-то время буду гостить в третьей квартире.

Не спеша вышагивая по чистеньким тротуарам, я принялся вспоминать период жизни, связанный с милицией.

Глава 2-я

Все началось году эдак в 85—86-ом, когда во время очередного отдыха нас, сослуживцев, оказалось в санатории одновременно несколько человек. Молодые мужики, на отдыхе – естественно, мы частенько вечерами после ужина собирались в одном из номеров посидеть за бутылочкой и поболтать о разных разностях.

И как-то зашел среди нас разговор о неизбежно приближающейся пенсии и о том, кто чем будет заниматься после выхода на оную.

Нужно сказать, что кроме привилегии получать большую пенсию и умереть в раннем возрасте, нам предоставлялись нешуточные льготы – в частности, работать на любой работе – лишь бы пройти медкомиссию. Пенсия, естественно, сохранялась при этом полностью.

Вот я возьми – и сболтни, что, наверное, пойду работать в милицию. Ну, а что, отец-то у меня – юрист, прокурор, так что мне сам бог велел...

Ну, меня тут же подняли на смех – мол, работу нужно искать спокойную, не для заработка или там «для души», а только чтоб время занять. Ну, как можно после 35 лет вдруг оказаться дома, на пенсии, без дела...

При этом материально обеспеченным вполне.

Мы уже подвыпили слегка (сильно мы никогда не напива-

лись – у нас ведь вообще-то был особый режим, тем более – в спецсанатории), так что разгорячились. И я пообещал, что пойду работать даже не в милицию, а в КГБ! Вот так вот!

Вообще-то по характеру я всегда был, что называется, мужиком упертым. Если сказал что, если дал слово себе или кому-то – умру, но добьюсь своего!

И в КГБ я бы точно работал! Но оформляя в конце 80-х годов бумаги для поступления на работу в органы госбезопасности (документами для оформления пенсии мы вообще не занимались – за нас это делали чиновники Минсредмаша) я как раз закончил работу над статьей, которую направил в журнал «Коммунист». Начал я работать над ней в свободное время еще до прихода к власти Горбачева, когда задумался – почему в моей стране все идет не так, как надо?

Ну, стал заметки делать для себя, прислушиваться, что люди говорят на улицах... Ведь уже с конца 70-х годов прошлого века несуразности нашей жизни просто резали глаза любому умному человеку. Однако на партсобраниях мы с идиотским упорством продолжали дружно выражать уверенность в неизбежном построении нами коммунистического общества.

Напомню тому, кто не знает, что это за общество – это когда любой может работать или не работать, а откуда-то всем будут сыпаться немыслимые блага. Как из волшебного рога изобилия.

В общем-то, ничего особо крамольного в статье не было, я просто доказал, что Маркс и Ленин ошибались, что социализм – это и есть закономерная форма общественно-экономического устройства, что его (социализм то есть) нужно беречь и укреплять всеми силами, а не пытаться строить какой-то мифический коммунизм...

В статье было несколько конкретных предложений, как укрепить наше общественно-экономическое устройство – кстати, теперь, по прошествии многих лет, я знаю, что именно в направлении моих мыслей действовали руководители Китая, и сумели поэтому сохранить свое социалистическое общество и государство... Вот только в последнем абзаце статьи я, ссылаясь на соответствующий пункт Устава нашей коммунистической партии, потребовал организовать и провести в СССР о б щ е п а р т и й н у ю дискуссию по проблемам, которые я осветил в статье.

Именно поэтому осенью 1988 года я послал статью не только в журнал, но и Генсекретарю компартии Горбачеву – ведь требовал я проведения ни много ни мало общепартийной дискуссии, ну, не журнал же должен заниматься подобной глобальности вопросом!

В результате через два месяца, во время которых я, кроме обычной работы, занимался оформлением послепенсионной службы в КГБ, меня однажды вызвали в партком нашего комбината и провели со мной беседу. Кроме директора комбината и председателя парткома в кабинете присутствова-

ли представители нашего министерства, инструктор ЦК компартии, курирующий нашу отрасль и некий человек в форме генерала милиции.

Собственно, беседы, как таковой, не получилось.

Инструктор Центрального комитета КПСС (так называлась компартия) поблагодарил меня за статью, сказал, что Михаил Сергеевич Горбачев мою статью прочитал, что от идеи построения коммунизма, в общем, принято решение отказаться, так что необходимость в общепартийной дискуссии отпала, а мои конкретные предложения, содержащиеся в статье, будут рассмотрены в рабочем порядке.

Затем слово забрал себе начальник отдела нашего министерства, который сообщил, что меня решили досрочно вывести на пенсию и вручил мне пенсионное удостоверение и Почетную грамоту Министра.

Затем встал генерал милиции, оказавшийся начальником учебного управления МВД, который торжественно вручил мне направление на учебу на спецкурсы МВД в Москве.

Я не успел и слова вымолвить, как все повставали с мест, задвигали стульями, а меня подхватил под локоток инструктор ЦК и отведя в сторону, шепотком поведал, что в КГБ мне – ну, никак нельзя, все-таки моя статья, если подходить строго, направлена на ревизию марксизма (вот так, ни много-ни мало!), а органы безопасности – это органы партии...

А в милиции я буду работать после окончания курсов в особой инспекции Алтайского краевого управления мили-

ции (сейчас это подразделение милиции называется управлением собственной безопасности – УСБ) и заниматься будду расследованием злоупотреблений по службе работников внутренних дел.

Спорить я не стал, и правильно сделал. Теперь-то я знаю, что если бы я не работал на режимном заводе, не входил в особый список правительства, то после своей статьи меня бы исключили из партии, «ушли» с занимаемой должности и я разделил бы судьбу диссидентов – либо психушка, либо долгие годы прозябания изгоем общества с работой дворником или истопником котельной...

В свой отдел на службу в краевое УВД я вышел в 89-м, поработал несколько лет и уволился – в обстановке всеобщей коррупции, разгула криминала, вседозволенности и всевластия адвокатуры работать в милиции я не смог.

Но полученные на курсах Академии МВД навыки и опыт работы в особой инспекции если и не сделали из меня высококлассного профессионала, то все-таки кое-чему научили.

Так что некий запашок от ситуации, в которую я угодил как-то невзначай, я ощущал явственно. Я никак не мог понять, почему, но определенно чувствовал его. И он мне сильно не нравился...

Тем временем я дошел до дома, где жил мой родственник, и он оказался на месте – не успел уйти на работу. Я прямо

с порога сказал ему, чтобы он не беспокоился, я задержусь в Москве на пару дней, жить буду не у него, и тут же ушел, забрав свою сумку с вещами и пообещав ежедневно отзваниваться по телефону.

После посещения рынка и магазинов я запасся продуктами и уже на такси вернулся к знакомому дому с дверьми из темного полированного стекла – пакеты оказались трудноподъемными, и я не рискнул возвращаться назад пешком.

В вестибюле у окошечка будки охранника стояла представительного вида дама средних лет, одетая броско и дорого, в шикарной широкополой шляпе, и о чем-то говорила с Иваном Ивановичем.

Завидев меня, она повернулась в мою сторону, всплеснула руками и сказала:

– Ну, как же вы все донесете один? Давайте-ка я помогу!

Она как-то ловко выхватила у меня один из пакетов, и я не успел и слова сказать, как мы уже оказались заключенными в кабину лифта, а через минуту – возле двери с цифрой «3» на ней.

На этом все не кончилось. Я открыл ключами дверь, она помогла занести пакеты, и только теперь представилась:

– Аделаида Гертрудовна Шацкая, актриса и ваша соседка. Играю на сцене у Армена Джигарханяна.

Мимо театра Джигарханяна я совсем недавно проходил – он располагался в одном из переулков неподалеку от дома моего брата.

– Виктор... – сказал я, принимая надушенную ладошку и прикасаясь к ней губами. – Пенсионер из Барнаула.

– Как интересно... – протянула томным голосом Аделаида Гертрудовна. – Я живу во второй квартире – это здесь, на противоположной стороне площадки...

– Я уже разобрался, где это... – пробормотал я, – и...

Но мне не дали закончить мысль.

– И я приглашаю вас прямо сейчас на чашку чая. Это же безумно интересно – в вашем возрасте – и на пенсии, я думала, только артисты цирка, балетные, певицы уходят на пенсию в вашем возрасте. А вы, похоже, не из их числа. Вы обязаны мне все рассказать, все-все!

Она ворковала приятным голоском, она увлекала меня под локоток, она буквально обволакивала меня своим обаянием и тонким запахом духов, и я сам не мог понять, как оказался сидящим в помещении уютной кухни ее квартиры, за столом, на котором стоял электрический самовар, на блюде – торт, а перед нами исходили ароматным паром чашки с чаем.

– Ну-у... – тоном любознательной кумушки протянула актриса Шацкая. – Кто же вы? И как попали в эту квартиру?

Она как-то лишь слегка уловимо выделила слово «эту», и меня вдруг осенило – вот он, мой шанс получить информацию! Ситуацию нужно ведь было как-то прояснить, а с помощью Евгении это мне уже представлялось сделать весьма проблематичным.

Дама же, с горящими от любопытства глазами сидящая передо мной, наверняка могла снабдить любого информацией, причем даже – с избытком. Ибо сама не могла не являться кладезем ее.

И я, сознательно потянув время, отхлебнул чая, положил себе на блюдце кусочек торта, ложечкой отщипнул кусочек и проглотил его, закатив глаза от удовольствия.

– Да вот даже и не знаю, с чего начать, – протянул я, вновь отхлебывая из чашки.

Глава 3-я

Если вы хотите разговорить человека – говорите с ним о том, что его живо интересуется. Тогда, утратив осторожность, ваш собеседник обязательно скажет вам все то, что вы хотите от него услышать.

Это первое правило получения информации при работе с очевидцами и свидетелями.

Но тут был не совсем обычный случай – по глазам Аделаиды Гертрудовны я видел – ее интересовало в с.е. В артистических кругах это было обычным явлением – вынужденные чуть ли не ежедневно перевоплощаться на сцене, то есть принимать облик то одного героя, то другого, артисты просто не могут не изучать жизнь других людей, примеривать ее на себя, а так как своими открытиями они постоянно делятся друг с другом, ибо нуждаются в аплодисментах себе по любому поводу (еще одна особенность профессии), то не могут не становиться с возрастом сплетниками.

По крайней мере – значительная часть их.

Поэтому в общении с ними нужна прежде всего искренность. В силу профессионального лицедейства в актерском сознании искренность и актерская игра переплетаются, и в итоге мы не зря частенько говорим о них: «О, актеры! На сцене и в жизни они неподражаемы и одинаковы!»

И я рассказал Аделаиде Гертрудовне о себе все, что ее

могло интересовать.

А именно: почему я, будучи столь молодым – уже пенсионер. И каким образом и по какой надобности оказался в Москве.

По первому пункту я, естественно, соврал. Сказал, что служил в полярной авиации и одним из последних, уже после развала СССР, получил в соответствии с союзными законами спецпенсию. Ну, а сейчас приискиваю себе работу, а пока есть время – решил вот съездить к друзьям детства на родину, в Азербайджан, а теперь возвращаюсь обратно.

И вот в этом пункте я в своем подробном рассказе не соврал ни слова.

Но – по порядку.

Однажды мне в голову пришла мысль попробовать разыскать друзей детства. Дело в том, что после рождения первые восемь лет я был единственным русским ребенком в среде азербайджанцев, лезгинов, грузин, которые в основном и составляли население Хачмаса. И странная особенность – трое моих друзей – двое наполовину грузин, наполовину азербайджанцев, их сестра и еще один – лезгин, в процессе роста и взросления (сначала ползания и гукания, затем беганья, лазания по деревьям и купания в речке) научились русскому языку настолько, что закончили впоследствии русскоязычные школы, институты и университеты, а вот я – я так и не научился азербайджанскому языку. Не говоря о грузинском или лезгинском.

Почему это произошло, я не знаю. Но после переезда в Сибирь в 1960 году я продолжал приезжать на все лето в Хачмас еще восемь лет – пока здесь оставались жить родители моей мамы.

Последний раз я был в Азербайджане в 1968 году, то есть сорок лет назад. И друзей своих с тех пор не видел – первое время мы переписывались, а после окончания мною высших инженерных курсов Минсредмаша наша переписка постепенно затухла. Я просто не знал, о чем писать – я уже говорил о степени секретности своей работы. А ребята... Ну, что, ребята – семьи, житейские будни, и главное – отсутствия личного общения – все это не могло не сказаться.

Мы постепенно забыли друг о друге.

И вот я вдруг решил своих друзей детства разыскать и встретиться со всеми хотя бы раз.

Вы поймите меня – все мои товарищи по работе и друзья умирали один за другим, все покоились на кладбище алтайского городка Славограда. Я еще вернусь к этому в другой раз, но теряя ежегодно и почти всегда – близких вам людей, хочется ведь не только терять, но и хотя бы иногда н а х о д и т ь!

И вот я, увидев какой-то фильм – о встрече друзей детства, о вновь вспыхнувшей дружбе, и чувстве локтя и прочей лабуде (я не оговорился, вы поймете сейчас, почему я так непочтительно выражаюсь о том, что принято считать святым) тоже решил найти через 40 лет друзей детства.

Хачмас – город маленький. Так что я подумал и написал письмо, послав его наугад на фамилию самой многодетной семьи (многодетной, естественно, по меркам шестидесятых годов прошлого века).

Я рассуждал так: из восьми детей кто-то – да живет в отчем доме.

Расчет был верен – раздались телефонные звонки. Сначала от брата одного из моих друзей (в 1968 году ему было 6 лет, но оказывается, он меня хорошо помнил).

Потом из Махачкалы позвонил один из братьев – ему передали из Хачмаса мой адрес и номер телефона.

Начались перезванивания, активная переписка и, наконец, последовало приглашение.

Мой друг уверял меня, что все меня ждут, я всех увижу и так далее и тому подобное.

Увы, я забыл Кавказ за сорок лет. Забыл особенности кавказских мужчин – их темперамент, многословие... И способность приукрашивать и все преувеличивать.

– И вот, Аделаида Герtruckовна, – продолжал я рассказ, допивая уж не знаю какую по счету чашку чая, – я в Москве по пути из Махачкалы. Расстроенный, разочарованный... Вы представьте себе, я думал, что хотя бы раз мы все посидим за столом, что называется, предадимся воспоминаниям, растрогаемся, ну – вы понимаете меня...

Актриса Шацкая промакнула платочком повлажневшие

глаза и кивнула.

– А на самом деле я так и не увидел ни одного из остальных четверых друзей. Тот, что встретил меня – в ссоре с сестрой и братом, по какой-то причине он сорвал встречу еще с одним – тот теперь живет в Баку. И так далее.

Когда я сел на поезд в Махачкале и пока ехал обратно, я думал – и ради чего же мне пришлось потратить 50 тысяч рублей, залезть из-за этого в долги – чтобы попить коньяку в городе, отстоящем от моего на 5 тысяч километров? Но это можно было делать и у себя в Барнауле!

Поразмыслив, я понял – за 40 лет мы не просто изменились. Это ведь время, когда сменяются два поколения людей. Два! Так что мы давным-давно уже просто совершенно чужие люди, а никакие не друзья.

Мы помолчали. Аделаида Гертрудовна вновь залила самовар, включила его.

– А как же вы у нас в доме-то оказались? – спросила она. – Да еще и в квартире Женечки Кудрявцевой?

– Да случайно познакомились, – ответил я. – На улице, дорогу я им помог перейти, и вот... – сдержанно продолжал я. – А что у вас за особенный дом?

– А разве Женя вам не сказала? Этот же дом выстроило АО РЭС. Поэтому и квартиры такие – нечетная вертикаль – для богатейших менеджеров РЭС, а четная – обычные квартиры евростандарта, их выставили не продажу, вот и купили, кто мог.

У меня как раз наследство образовалось в Чехии... Я и обзавелась этой квартирой.

– А как же Женя...

– Да вы что! Она же родная сестра Юрия Борисовича Кудрявцева!

И только тут у меня в голове все сложилось, и сходно это было с сильнейшим ударом по голове! Акционерное общество Российские электросети, Кудрявцев, во времена СССР – бывший завлаб, при Горбачеве сделал начальный капитал на торговле в Москве продуктами, возглавлял первое демократическое правительство новой России, активно участвовал в приватизации госсобственности, и в награду получил этот лакомый кусок – АО РЭС, которым фактически единовластно управлял вот уже десяток лет...

Человек, ненавидимый простыми людьми, символ всего плохого, что случилось с беднейшей частью населения после 1990 года... И, между прочим, непростой человек... Ходили о нем кое-какие слухи...

Шацкая смотрела на меня с жадным любопытством. Я видел, что ее буквально распирало от желания поделиться со мной тем, что она знала.

Что ж, воспользуемся...

– А чего это Женя такая напуганная? – наливая себе чашку, как бы между прочим спросил я.

Аделаида Гертрудовна на глазах как бы увяла. Вопрос ей явно не понравился.

– Ну как же, – неохотно сказала она. – Сначала муж пропал, потом вот на днях – друг.

Она прятала глаза, я же, наоборот, смотрел ей прямо в лицо.

Да, судя по всему – тот еще братик у Жени Кудрявцевой... Вот вам и происхождение того запашка, что я чувствовал так яственно!

Собраться и уехать? Ваню жаль, да и как-то стыдно...

– Знаете, Аделаида Гертрудовна, – сказал я, вставая. – Пожалуй, я задержусь здесь. На какое-то время...

Шацкая как-то замялась.

– Мне ведь, Виктор, Юрий Борисович велел звонить ему сразу же, если появится какой-нибудь мужчина у Женечки...

– А и позвоните! Обязательно позвоните! Только, Аделаида Гертрудовна, не сегодня, а денька через три. Ведь вы же могли меня увидеть не сегодня, а денька через три?

– Конечно, – радостно проворковала Шацкая. Необходимость звонить ее явно угнетала – чувствовалось, что я ей понравился.

Я встал, обошел стол и поцеловал ей ручку.

– Мне пора! – полушепотом сказал я. – Но, думаю, мы ведь еще увидимся?

Вернувшись в квартиру номер три, я прошел на кухню и занялся готовкой.

Пока варился мясной бульон, я приготовил ростбиф и за-

ложил его в духовку.

Пока готовилась заправка для борща, ростбиф постепенно сначала зарозовел, потом начал покрываться коричневой корочкой. Я постоянно поливал его слегка разбавленным водой соком лимона.

Через два часа обед был готов.

Я поднялся на второй этаж и заглянул в детскую спальную. Ваня и мама сладко спали.

Тогда, не зная чем себя занять, я решил изучить квартиру.

Прихожая была огромной, из нее вели двери на кухню и в холл.

Кухня – размерами со средней величины комнату обычной квартиры, была снабжена всеми современными аксессуарами и кухонным оборудованием. Отдельные двери из кухни вели в туалет и душевую.

Холл был высоким, именно из него лестница вела на второй этаж. Кроме того, дверь из холла сбоку открывала гостиную – огромную комнату с полом, покрытым пушистым светлым ковром и громадным плазменным телевизором в углу.

На втором этаже слева располагались комнаты для детей, включая тренажерную, туалеты и ванны. А справа – была спальня Жени и еще три комнаты, нежилые, а потому – безликие, хотя и шикарно обставленные. Здесь также были ванны и «удобства».

Везде на стенах висели картины и живые растения в горшках. Меня удивило обилие на стенах холла огромных фотографий, кажется – снимков НЛО или чего-то подобного, и несколько очень прилично выполненных картин маслом на эту же тематику.

Хмыкнув, я отправился будить «семью» – было уже далеко за полдень.

Потом были «утренние» процедуры, обед, который всем понравился.

Затем решено было всем вместе идти гулять в ближайший парк.

Идиллия! Вот только страх из глаз Евгении никак не хотел пропадать...

Глава 4-я

Мы шла к трамвайной остановке, точнее – к кольцу трамваев «Метро Университет». И, честно говоря, мне было немного неловко.

За свой внешний вид.

На мне был надет джинсовый комплект – джинсы, джинсовая рубашка и куртка. Казалось бы, ну, и что из этого? Так одевается каждый третий москвич.

Но я был с дороги, то есть – приехал утром на поезде, поэтому одежда была несвежей, и, кроме того, покупал я ее в Барнауле не в магазинах, а на вещевом рынке, и поэтому смотрелся рядом с одетыми в дорожные одежды Евгенией и Ваней белым вороном. Если же выразаться точнее – черным вороном в стайке белоснежных голубей.

И я дал себе слово завтра же купить себе пару приличных рубаш, и куртку хоть и не в самом дорогом, но специализированном бутике. Думаете, я не уловил бросаемых Женей пусть и украдкой, но явственных взглядов на витрины магазинов мужской одежды, мимо которых мы проходили?

Спасал Ванечка – мальчуган был счастлив, он то забегал вперед, то замирал у стенки здания, пытаясь пальчиком выковырять какую-нибудь дрянь, то вскакивал – и несся к нам, каждый раз с размаху бросаясь ко мне и обнимал за колени, и, захлебываясь от волнения, что-то говорил, говорил, гово-

рил... Он был счастлив, папа был рядом, и какая ему была разница, что на папе надето?

Скажу честно, в эти секунды у меня сжималось сердце – как дальше-то быть? Что вообще будет с ребенком, если он узнает правду?

Машинально мой взгляд скользил по многочисленным вывескам на здании, мимо которого мы проходили, и где-то в подсознании (причину я потом пойму) отпечаталось содержание одной из них: «ПСИХИАТР, ПСИХОЛОГ, ПСИХО-АНАЛИТИК. КОНСУЛЬТАЦИИ ПРОБЛЕМ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ», и мы свернули на дорожку, ведущую к остановке.

Трамваем мы ехали недолго – и вскоре оказались в одном из заповедных уголков Москвы – прямо на берегу Москва-реки сохранилось что-то вроде небольшого парка, который образовывали естественные массивы берез и посаженные к ним позднее липы.

Дорожки были не асфальтированными, а земляными (устроители постарались сохранить иллюзию естественности зеленого массива).

Мы молча медленно шли по дорожке, уже слегка припорошенной желтыми листьями, шаркая подошвами, подбрасывая их. Никто не решался начать разговор. Впереди между стволами мелькала алая курточка Вани – теперь он реже подбегал к нам, но зато требовал больше внимания от нас – не затерялся бы!

Был вечер воскресенья, людей в парке было много, много было и детей. Так что за Ваней нужен был постоянный пригляд.

Неожиданно мы поравнялись с окрашенным в неяркий зеленый цвет павильончиком с вывеской «СКОРОЕ ФОТО». К нам, держа в руках букет из оранжевых и желтых листьев, как раз подбежал Ваня.

– А давайте сфотографируемся! Втроем! – неожиданно нарушила молчание Женя. – Здесь по старинке фотографируют старым фотоаппаратом-гармошкой и делают только черно-белые фотографии. Многим нравится.

Я пожал плечами. Если черно-белое фото – то я и в джинсах буду молодец-молодцом... Почему бы и нет?

Действительно, внутри все было так, словно мы попали в фотосалон 60-х годов прошлого века. Те же белые полотнища-отражатели, те же пышущие жаром ярко светящие софиты... И громоздкий старинный фотоаппарат на треноге.

– Пожалуйста, выбирайте образец... – сказал, вставая с табурета и складывая шуршащий газетный лист пожилой, по виду – армянин, фотограф.

Мы подошли к столу. И одновременно с Женей ткнули пальцами в фотографию размером 9x12 см, на которой были изображены мама, папа и девочка возрастом чуть постарше Вани.

Нас тщательно усадили, меня заставили расчесать мои редковатые волосы, Жене же, после некоторого раздумья,

фотограф поправлять прическу передумал. Хотя на первый взгляд именно ее-то и следовало как следует расчесать.

Мы заказали три фотографии. Потому что Ваня сразу же, как только слез с табурета, во весь голос потребовал фотографию для себя лично.

– Погуляйте часочек и заходите – фотографии уже будут готовы! – сказал нам фотограф, уходя с фотопластиной в руках за черную ширму.

– Ну, вот что, Евгения, – сказал я сразу же, как только мы вышли на дорожку и Ваня тут же помчался куда-то вбок за деревья. – Давайте-как знакомиться поближе. Что там мы решим делать дальше – неважно. Но прежде, чем принимать хоть какое-то решение, нужно же нам с вами знать друг о друге как можно больше. Нас ведь внезапно связало не банальное чувство, влекущее мужчину к женщине, а пятилетний ребенок.

Женя посмотрела на меня. Страх, который почти исчез, пока мы фотографировались, вновь заполнил все ее существо.

И я решил вновь попытаться как-то успокоить ее, отвлечь от неприятных воспоминаний.

– Ваня! – позвал я. – Ванечка!

Между кустов, местами окаймляющих дорожку, мелькнула алая курточка и покрасневшийся мальчуган словно по волшебству, возник перед нами.

– Ванюша, нам поговорить нужно с мамой, ты не убегай далеко, иди перед нами, хорошо? – попросил его я и неожиданно, что называется, «нарвался»:

– Вы опять целоваться будете? – серьезно глядя на нас, спросил он.

– Ну, и это тоже! – твердо заверил я его, стараясь не смотреть на растерянное и начавшее пунцоветь лицо Евгении.

– Тогда – ладно! – сказал мальчик, и отбежав от нас вперед шагов на десять, начал собирать букет из листьев.

Я же взял за руку Женю и крепко пожал ее.

– Не смущайтесь, это – вовсе не главная проблема! – заверил я ее. – Давайте все-таки поговорим.

Что это за сеанс спиритической связи, почему вы называли его «учебным» и почему проводился он в университете? И пожалуйста, Евгения, поподробнее!

И я узнал следующее.

После того, как Женя осталась с трехлетним Ваней на руках одна, она в свободное время, чтобы забыться, много читала и постепенно увлеклась невероятными явлениями природы, биоэнергетическими проявлениями у людей, проблемой инопланетян и тому подобным.

– Я ведь учусь сейчас на втором курсе негосударственного университета биоэнергетики, трансцендентальных явлений и уфологии, – рассказывала она. – А у нас спиритические сеансы регулярно проводятся на семинарах факультета транс-

цендентальных явлений. Вот мне подруга и рассказала, что дух Володи, моего друга, объявился во время сеанса и сказал, что его убили Юра и я.

Я молчал. Я думал – а не сказать ли ей, что я думаю о ее брате Юре?

Но, наверное, это вряд ли способствовало бы рассеиванию страха в голубых глазах Жени.

– Ну, хорошо, кто-то что-то сказал, – осторожно начал я. – Но мир духов – это такая скользкая проблема... Сколько раз уже доказывалось, что не духи говорят – а присутствующие на сеансе чревовещатели, вполне живые и здоровые... Или спрятанные где-нибудь за ширмой сообщники устроителей сеансов... А сейчас используют чудеса радиосвязи...

– Ну, знаете! – в глазах у Евгении полыхнуло пламя негодования. – Неверие в то, чем мы занимаемся, бытует повсеместно, но кроме мошенничеств есть ведь и множество фактов, подтверждающих существование мира духов...

И опять я промолчал. Я, уйдя из милиции, одно время увлекся философией – основой для моих рассуждений послужила проблема, изложенная мною в статье-письме для журнала «Коммунист» – та самая, которую читал последний руководитель СССР Горбачев. Суть этой проблемы в следующем – почему геополитическая система, в основе которой лежало справедливое общественно-экономическое устройство – социалистическое – так легко, можно сказать – в одночасье – развалилась и рухнула и не была защищена людьми,

жившими в государствах социализма?

Итогом моих философских размышлений, поисков и экзерсисов стали несколько книжек, которые условно можно объединить одним названием «Философия биполярности».

Так что я создал собственную фундаментальную философскую теорию.

И в частности, я был уверен – духи существовать м о г у т. Но они – скорее исключение, нежели правило, 99,99 процента умерших людей растворяются в окружающей среде, не оставляя после себя ничего материального. Да, собственно, и нематериального – также.

Но спорить с человеком, убежденным в существовании потустороннего мира и всего прочего, что, судя по названиям факультетов, изучается в этом негосударственном университете, студенткой о т т у д а – глупо.

– Вот что! – решительно сказал я. – Давай начнем со знакомства с вашим университетом. Рассказывайте обо всех факультетах по порядку!

– Ну, что рассказывать? На факультете биоэнергетики два отделения – базово-научное, и – нетрадиционной медицины. На медицинское отделение принимают только людей с природными биоэнергетическими способностями.

Факультет трансцендентальных явлений – тоже два отделения – научное изучение – и занятие практической деятельностью. Салоны предсказаний, спиритические салоны. А те, кто заканчивают научное отделение – изучают телепатию, те-

лекинез, ну, и все другие явления, но – с научной точки зрения, практикой они не занимаются.

Мой факультет – уфологический. Я учусь на археологическом отделении. После выпуска мы будем теми же археологами, что и обычные, только раскопки проводить там, где можно найти следы звездных братьев. Например, Тунгусский метеорит – тогда ученых-уфологов не было, а если бы этот метеорит упал сейчас – мы бы первыми вели раскопки на месте падения и изучали это явление.

– Хорошо, а кого еще готовят на вашем факультете?

– Уфологов-фундаменталистов. Ну, это мы так между собой называем. Они будут искать в архивах документальные подтверждения посещения Земли инопланетянами. Беседовать со свидетелями, систематизировать научные данные, создавать теории, и все такое прочее.

– То есть люди твоего профиля занимаются поисками и изучением материальных свидетельств. А ваши коллеги-фундаменталисты...

Я пошевелили в неопределенности пальцами руки.

– Ну да! Они в основном занимаются письменными источниками. И работой со свидетелями.

У меня чесался язык высказаться по поводу их университета, но...

Я увидел лицо Евгении. Оно пылало энтузиазмом, ее взгляд был полон веры, она была ужасно, как хороша!

Только теперь я рассмотрел ее полностью. Длинноногая,

что подчеркивали дорогого кроя светлые брюки, с прямой осанкой.

Ее не портила даже ее «космическая» прическа и некоторая ширококостность – чуть более широкие, чем обычно у женщин, плечи, крупные ступни ног, да и нос, пожалуй, был крупноват.

Она рвалась в бой, она была уверена, что я начну спорить.

А я промолчал. А потом позвал Ваню, который явно уже заскучал и принялся раздраженно пинать носками туфель листья на дорожке.

– Евгения, – сказал я. – Пора домой. Нам еще фотографии нужно забрать. Знаете, мне почему-то все больше кажется, что мы не скоро приблизимся к сути, а она ведь в ответе на вопрос: «Ч т о н а м д е л а т ь д а л ь ш е?»

Лицо девушки вновь изменилось, как-то сразу потухло, и она тихо ответила:

– Не знаю... Когда мы встретились, мне показалось, что если вам предложить... А вот теперь я понимаю – а ч т о предложить?

И мне вновь стало так их жалко: ее, мальчугана, который в очередной раз обнимал мои обтянутые дешевой джинсой колени...

– Пойдемте-ка зайдем за фотографиями, – как можно мягче сказал я.

Ну, не мог я ни на что решиться! Не мог – и все!

Глава 5-я

Первое, что сделал Ваня, когда мы вошли в прихожую, разулись и переобулись в домашнюю обувь (я, кстати, достал из сумки свои тапочки, я всегда беру тапки в дорогу) – это схватил одну из фотографий, другой рукой цепко поймал меня за руку и потащил за собой на второй этаж.

В своей спальне он достал из-под подушки фото отца, на его место положил новую фотографию, а старую отдал мне.

– Вы теперь ночью со мной вместе с мамой будете! – заявил он.

– Отлично! – сказал я. – Давай спускайся на кухню – будем ужинать!

Сам я спустился на первый этаж и завернул в гостиную.

Здесь ближе к окнам стоял огромный стол, вокруг него – стулья с высокими спинками. Я положил на край столешницы фото художника-авангардиста изображением вниз, закрыл глаза и, раскрыв ладонь, поднес ее внутренней частью к белой поверхности фотобумаги.

От фотографии ощутило тек поток холода. Так что сиротой фактически был Ваня, увы!

Я медленно отодвинул роскошный стул с мягкой толстой подушкой сидения и присел, уставившись на белый прямоугольник фотобумаги.

Я ведь тоже был природным экстрасенсом, как те студенты Жениного университета, что изучали нетрадиционную медицину.

Точнее, стал им в процессе работы в шахте химкомбината, производящего ядерное топливо для ракет. Черт, все-таки проговорился, но иначе не объяснить, как я стал биоэнергетиком.

Почти все наши выпускники курсов Минсредмаша, кто работал в подземных цехах-лабораториях химкомбинатов, умирали рано, получая облучение всякой гадостью.

Вот только узнавали мы об этом увы, слишком поздно...

Но иногда в результате этих облучений развивались благоприятные мутации клеток. Метаболизм клеток изменялся, они начинали интенсивно самовосстанавливаться (вместо того, чтобы хаотично бессистемно разрастаться), а побочным эффектом (это мое личное мнение!) становилась способность клеток излучать какой-то вид биоэнергии.

А вы думаете, почему в свои 55 лет меня иногда принимают даже за тридцатипятилетнего!

Нас таких за все годы существования отрасли появилось пятеро. И способности у всех у нас – разные. Я, например, могу лечить людей прикосновением ладоней – конечно, не все заболевания, да я и не пробовал лечить всех подряд, скрывая это умение.

А двое из нас... один мог мысленно двигать предметы, а второй – даже угадывать будущее. Я сознательно не гово-

рю – «предвидеть будущее», иногда он ошибался в предсказаниях, так что...

Ну, а лечить могли все мы. А уж по изображению человека на фотографии определять, жив он, или нет – с этим легко справлялся каждый из нас. Один – так мог даже по фотографии диагностировать заболевания.

Вы только не воодушевляйтесь, читая эти строки, и не радуйтесь за нас. Потому что более сотни моих коллег лежат под слоем земли на кладбище, а несколько десятков умирают, причем помочь им не могут ни врачи, ни даже мы пятеро.

– Виктор! – Я от неожиданности вздрогнул. Это была Женя. – Пойдемте ужинать, там Ванечка вас ждет, и у него – новая идея!

Мы ужинали бутербродами с ветчиной и колбасой, Женя также приготовила какой-то салат (на мой взгляд – выглядит аппетитно, а вот на вкус – несъедобен).

Кажется, неожиданно приобретенный мною сын разделял мои вкусы – он потребовал оставшиеся с обеда холодные отбивные, отказавшись наотрез от салата, который с удовольствием потребляла Женя.

Я ел бутерброды с сырокопченой колбасой, запивал крепким сладким чаем и следил, как ест Ваня.

Удивительно, но для своих лет он вполне по-взрослому пользовался прибором, вилкой, ложкой и даже ножом, которым разрезал мясо.

– Это единственное, чему его с охотой учил Ленья, – тихонько шепнула мне Женя, заметив удивление на моем лице.

– Кстати, – шепнул я в ответ, – Ваня не удивится, что его папа стал именоваться Виктором?

Она отрицательно мотнула головой.

– Ему три года было, он не помнит имени Леонида.

Ужин заканчивался. Когда Женя уже мыла посуду, а я допивал вторую чашку чая, я спросил Ваню:

– Ты чем-то хотел заняться? Поиграть во что-то?

Мальчик отрицательно качнул головой, молча слез со стула и вышел из кухни. Через несколько минут он вернулся, держа в руках книжку.

– Вот, сказал он, протягивая ее мне. – Давай будем учиться читать!

Я взял в руки букварь. За моей спиной вдруг прекратилось звяканье перемываемой посуды и в наступившую тишину вторгся весьма неприятный звук. Я быстро встал, подошел к Жене, ее спина вздрагивала, и она вдруг всхлипнула во второй раз.

– Тише, тише... – я взял ее за плечи и прижал спиной к своей груди. – Спокойно, все хорошо...

Она откинула голову, ее глаза были полны слез.

– Он ведь наотрез отказывался учить буквы после исчезновения Леонида, – тихо сказала она. И всхлипнула вновь.

Я обернулся с посмотрел на ребенка. Голубые глаза Вани стали набухать слезами, и я растерялся – кого и как утешать?

Внезапно решившись, я схватил лицо Жени и крепко поцеловал в ее соленые от слез губы.

– Радуюсь! – весело сказал я. – Радуйся, радуйся! Ваня! Хочешь быстро научиться читать?

– Ага! – закричал он. Слезы тут же исчезли, лицо расцвело в улыбке.

– Тогда бери букварь и неси в гостиную! Мы будем заниматься только там! И принеси чистые листы бумаги, тетрадь и фломастеры – есть у тебя все это?

– Есть! – еще громче, чем я, крикнул он и выскочил из кухни.

Я вернулся к Жене. Я обнял ее, она доверчиво положила голову мне на грудь. Я гладил вихрастые волосы ее прически, и шептал на ухо: «Все хорошо, успокойся... Когда закончишь здесь – приходи к нам, ты обязательно должна участвовать, так сказать, в учебном процессе...»

Я взял руками ее лицо и слегка отодвинул от себя. Она улыбалась, правда, как-то жалко, но боли в глазах уже не было. И слез тоже.

Обучать Ваню я решил, используя придуманный мною когда-то для приятеля по работе метод изучения букв по принципу похожести конфигураций.

У него дочке плохо давалась азбука. Я как-то, сидя у приятеля в гостях и устав видеть и слышать, как мама внушает дочери: «Это буква «А-а-а»... А это буква «Б-э-э...», взял,

да и предложил свою помощь.

Я начал с трех букв похожих конфигурацией – А, Л, М.

Нарисовал фломастером их, назвал, и предложил вместе со мной девочке подбирать слова на эти буквы. На «А» – Азбука, арбуз, и так далее, потом на «Л» – Легкий, луна...

На «М» – и дело пошло. После того, как мы разбили весь алфавит по принципу похожести букв, и использовали метод заучивания по группам.

Девочка Лика получила первое задание «на дом» – написать три ряда букв А, Л, М, запомнить их произношение и придумать по несколько новых слов на эти буквы.

Приятель потом рассказал, что алфавит в целом Лика освоила за две недели.

Если вы возьмете наш алфавит и рассмотрите все буквы, руководствуясь этим принципом, вы увидите, что можно также составить группу из букв В, Б, Р, Ф, Ъ и Ь, затем напрашивается группа букв С, О, Ю, Э, ну, и так далее.

Важно, чтобы группа букв для ребенка не превышала трех-четырех, иначе ему за один раз будет трудно запомнить их и научиться подбирать нужные слова.

Когда Женя вошла в гостиную и присоединилась к нам, Ваня старательно, высунув язычок, выписывал ряд буквы Л. С буквой А мы уже закончили.

– Ну, давай придумывать слова? – сказал я. – Как произносился буква?

– Л-э! – ответил мальчик.

– Вообще-то правильно «Л» – я воспроизвел произношение этой согласной буквы, но можно говорить и Л-э. Какие слова на Лэ ты знаешь?

Ваня задумался. А потом вдруг закричал:

– Люба! Няня Люба! Люба!

– Нашу няню зовут Люба, – счастливо улыбаясь, пояснила Женя. – А еще на эту буква, еще, Ваня!

Мальчик задумался.

– На небе светит... – начала подсказку Женя.

– Луна! – тут же догадался Ваня. – А еще слово – «лук»!

И процесс, как говаривал господин Горбачев, пошел...

Мальчуган был смышленным, вдобавок ему очень нравилось заниматься вместе с папой и мамой. И прервались мы, когда увидели, что ребенок устал и глаза у него закрываются.

Я отнес Ваню на руках в его спальню и оставил его с матерью. Спустился на кухню, открыл форточку и с наслаждением закурил сигарету. Последний раз я курил в парке, когда мы там гуляли втроем.

– Пойдемте, – Женя заглянула на кухню. – Я покажу вам вашу комнату.

Моя комната находилась рядом со спальней Жени. Я промолчал о том, что днем, изучая квартиру, заглядывал и в ее спальню.

– Вот двери в ванную и в туалет. Это у нас в каждой комнате... Телевизор, вот пульт. Я вам постелила... Да, полотенца в шифоньере, а халат в ванной...

– Спасибо, – сказал я. И пошел вниз за своей сумкой – я забрал ее днем от Василия – своего брата.

Как бы то ни было, а три дня прожить придется, думал я, раскладывая вещи в шифоньер. В комнате также были диван, кровать, письменный стол. Телевизор с большим экраном стоял так, чтобы удобно было смотреть передачи и лежа в постели, и сидя на диване. Окон было два, шторы на них и обои на стенах – дорогие и подобраны в тон.

Было около 22-х. А в моем родном городе Барнауле был уже час ночи... Я, полежав в ванной, пощелкал пультом телевизора и обнаружил, что программ принимается множество (скорее всего – подключено кабельное или спутниковое телевидение) нашел программу «шансона» и немного послушал, как поет Медяник.

Так как я очень люблю и его песни, и манеру исполнения, то войдя в меню телевизора, я нашел настройку времени отключения и выбрал опцию «отключение через 1 час».

Сделав еле слышимым звук, я лег на бочек, закрыв глаза. Мне было уютно, негромко пел Медяник: «Пусть будет все, как есть... Аллилуйя...»

Проснулся я внезапно. Телевизор еще работал, так что и часа времени не прошло. Возле моей постели стояла Женя, в ночной рубашки, руки бессильно опущены, глаза широко открыты. Ее всю колотило крупной дрожью, и я вскопчил, схватил и набросил на нее одеяло, потом прижал к себе.

– Я боюсь... Я не могу уснуть, я боюсь... – бормотала она.

Я повел девушку в ее спальню, уложил в постель, прилег рядом, подсунув ладонь своей руки ей под щеку. Я долго гладил ее второй своей ладонью по вихрастым волосам, мысленно наполняя ее энергией своих рук и шептал, шептал, шептал:

– Все хорошо... Ты ни о чем не думаешь, ты расслабляешься...

Прошло минут пятнадцать-двадцать, постепенно дрожь ее тела прекратилась, мышцы расслабились, глаза стали слипаться.

Я продолжал наполнять ее своей энергией. Пока не услышал неглубокое ровное дыхание – она наконец уснула.

А я пролежал рядом всю ночь. То засыпая ненадолго, то просыпаясь. Я думал о своей жизни, о том, что со мной произошло и главное, ломал голову – что же делать? Как поступить?

До появления Юрия Борисовича Кудрявцева оставалось два дня...

Глава 6-я

Проснулись мы одновременно. Наверное, под утро я машинально убрал руку из-под ее щеки, поэтому, когда Женя открыла глаза, ей, скорее всего, представилась картина двусмысленная – рядом лежит раздетый (ну, не совсем – в майке и трусах, конечно) мужчина...

Я все же задремал под утро, но лишь слегка, и как только девушка шевельнулась – мигом открыл глаза. И принялся ее успокаивать, видя некоторую растерянность во взоре:

– Евгения, не нужно смущаться, между нами вовсе ничего не произошло. Но мне пришлось отвести вас в постель и немного полечить. Вчера я не стал вам говорить... В общем, я биоэнергетик, и вы сейчас же дадите мне слово, что забудете об этом! При ваших увлечениях... да и учитесь вы в очень специфическом учебном заведении... Лишнее беспокойство мне ни к чему – думаю, вы понимаете, что я хочу сказать. В общем, я жду честного слова!

– Прямо сейчас? – она попыталась улыбнуться, но вспомнила, что находится в состоянии (да и положении!) «со сна», имеет соответствующую этому внешность, и тут же натянула простыню на голову.

– Это не поможет! – заявил я, решительно сдирая ткань с пунцового личика. – Между нами нет интимных отношений, так что мне нет дела до ваших прелестей. И состояния

внешнего вида лица также – давайте слово!

– А какое слово? – девочка пыталась найти лазейку и вернуться – убежден, она уже представляла, как рассказывает подруге о появлении в доме та-а-кого странного мужика!...

– Да просто пообещайте забыть о том, что я – биоэнергетик!

– Но ведь это – редкость, потом вы настолько сильный, и...

– И меня неплохо бы изучить в вашем негосударственном ВУЗе! Слово давайте, Евгения, слово!!! У нас с вами буквально дирижаблем висит в воздухе «вопрос-ответ» гораздо более важный!

– Ну, хорошо-о! Даю слово! – ей нелегко далось это, и я подумал, что врать она, скорее всего, не умеет.

– Прекрасно! А теперь, перед тем как я уйду на кухню готовить завтрак, посвятите меня в свои планы на сегодня!

Женя поерзала и поудобнее укрылась простыней.

– Я до обеда буду в университете, а сейчас должна приехать Люба. Это...

– Я знаю, Ваня вчера говорил – это его няня. Она у вас находится круглосуточно, или работает приходящей няней?

– Раньше была круглосуточной, но когда мы с Володей... Он настоял, чтобы я сняла Любе квартиру поблизости.

Я не стал провоцировать ее на слишком ранний, по моему мнению, разговор о том, откуда у нее т а к и е деньги? Я

ведь знал, откуда и от кого. Но грузить себя еще и проблемой Кудрявцева до завтрашнего вечера...

И я не спросил о деньгах. И перевел разговор – замкнул тему на себя.

– Ладно, продуктов я купил на пару дней, обед будет готов примерно к часу дня. С няней я разберусь, познакомимся... Мне нужно будет купить себе кое-что, сходить по делам... Но в любом случае к обеду я вас жду, Евгения! И будьте готовы – мы должны сегодня решить, наконец, как будем выпутываться из возникшей ситуации.

А пока... Если в университете кто-то из студентов затронет тему вашего исчезнувшего друга, ничего не говорите. Переведите взгляд на лицо любопытствующего субъекта, недоуменно посмотрите на него несколько секунд и выпятите нижнюю губу. Вот так (я продемонстрировал). Можете издать звук недоумения, ну, «гм-м-м» какой-нибудь. Одним словом, гасите в зародыше все вопросы на эту тему! Как заведомо глупые и неуместные! А кстати, вы своего Володю пытались искать? Звонили ему домой, на мобильный телефон?

– Да. Его нигде нет.

Ее глаза вновь стали наполняться... но это мы сейчас же пресечем!

– Ну и ладно! – сказал я. – В ванную-то дойдете, или на руках вас отнести?

Я подмигнул как можно нахальнее. Сработало! Ее ли-

цо тут же вспыхнуло румянцем, голубые глаза потемнели и словно бы метнули в мою сторону молнии возмущения. Все прочее тут же было забыто.

– Ладно-ладно! – я поднял ладони перед собой. – Не забудьте разбудить Ванечку и умыть его перед завтраком!

За спиной о закрытую мною дверь хлопнула брошенная вслед мне подушка. Вот и ладненько!

Хотя... Надо бы найти в доме фото этого Володи и проверить его. Я успел умыться, одеться и спуститься вниз, когда в дверь позвонили. «Няня Люба!» – раздался откуда-то сверху голос Вани.

Об этом я и сам догадался бы, когда открыл дверь и увидел круглолицую девушку-толстушку с яркими синими глазами и конопушками вокруг вздернутого носа. Она улыбалась, но, увидев меня, улыбка на ее лице поугасла, и она спросила:

– А вы кто?

– Я – гость, – ответил я. – Гость – дорогой и желанный. И неизвестно пока, на какое время приехавший!

И сразу же задал встречный вопрос:

– А у вас что же, нет своих ключей?

– Да есть! – ответила она, сбрасывая куртку, снимая сапожки и размещая все это в ее собственном, судя по всему отделении платяного шкафа прихожей. – Только у нас уговор – после выходных и прихожу и звоню, а не открываю дверь ключами!

«Разумно! – подумал я. – Хозяйка молода, не замужем, может быть и не одна...».

– Значит так! – прямо сходу взял я быка за рога. – Официально я – папа Вани. Вы не удивляйтесь, что Ваня считает меня отцом. Думаю, сегодня к вечеру мы с Евгенией Борисовной сможем все вам объяснить, а пока просто весь день подыгрывайте мальчику. Ну, папа – и папа! Договорились?

– Ну а чего ж, – сказала она, протягивая мне руку. – Меня Люба зовут.

– А меня – Виктор! Просто Виктор, отчества не нужно. Вы Евгению Борисовну как величаете?

– Да просто Женей!

– Ну и отлично! Завтрак я стотовил, так что забирайте Ваню, зовите Евгению – и к столу!

Завтракали в аварийном темпе, Женя слегка опаздывала, так как было уже восемь часов утра. Не знаю, что и как она проделывала с волосами, но за дверь выскочила, неся на голове все те же торчащие в разные стороны пряди, правда, слегка окученные с помощью повязанной на голове парчовой ленты с непонятными надписями на ней.

Потом... потом мы познакомились с няней. Люба приехала из Подмосковья, два года назад закончив педагогический колледж. Получив специальность «воспитателя детского сада», она отправилась завоевывать Москву, надеясь найти работу где-нибудь в детском саду. Помыкалась год, но потом ей

повезло – ее родственница, которая поступала вместе с Женей в «негосударственный университет трансцендентальных явлений» свела ее с новой подругой, Люба с Женей понравились друг другу и в квартире номер три элитного дома появилась няня.

– Платят хорошо, вы знаете, чья сестра Женя? – делая круглые глаза, спросила меня Люба.

Я молча кивнул.

– Но я его боюсь... – продолжала рассказывать Люба, одевая Ваню для прогулки. – И стряпню он мою ругает... Я, правда, готовить никак не могу научиться, и Женя не умеет...

– С этим я вас выручу, – сказал я. – Пока я здесь – готовить буду я сам. Высокий уровень вкуса блюд гарантирую, правда – при крайней узости ассортимента! Ну, а продукты, когда я не смогу, будете по моему списку покупать вы!

– Ну так конечно! – явственно обрадовалась Люба. – Пишите, что нужно купить!

– Да сегодня – только хлеба. И для Вани, что он там ест у вас – йогурты, соки, может быть – выпечку?

– Это я знаю. Деньги... – она порылась в кошельке, – деньги с прошлой недели остались, в общем, мы пошли!

– Пап, а ты-ы? – начал канючить мальчуган. – Я с тобой хочу!

Я подхватил его на руки, и сказал твердым голосом:

– Ваня, у взрослых всегда есть свои дела! И эти дела нуж-

но делать! Так что я могу с тобой быть только вечерами!

Слово «вечера» тут же навело его на воспоминания о вчерашнем вечере.

– Пап, а буквы сегодня будем учить?

– Будем! И после каждый день будем, пока не научишься читать! Но не забудь выполнить задание! Каждый вечер мы сначала будем повторять старые буквы, и только после этого учить новые.

Он чмокнул меня в щеку. Он вновь был счастлив.

А я – нет.

Я отправился на кухню и занялся готовкой обеда. Вчерашний борщ, кастрюля с которым стояла внутри огромного роскошного холодильника (впрочем, в этой квартире все было именно роскошным, а не просто дорогим), была более чем наполовину полна, так что на четверых хватит... Я достал мясо, которое вчера не стал замораживать, нарезал его, нашел среди посуды медный казан для плова и поставил мясо в казане на плиту тушить. «Нужно купить гранат», подумал я.

Пока мясо тушилось, приправленное солью и черным молотым перцем, я нашел в холодильнике головки репчатого лука, сливочное масло. Потом открыл тумбочки, где должны были храниться крупы, и нашел – о чудо! Пакет с крупным узбекским рисом, предназначенным специально для приготовления плова.

Вообще чувствовалось, что Люба работой дорожит и потому искренне пытается научиться готовить различные блюда – я увидел аккуратно засыпанные в специальные пищевые контейнеры многочисленные крупы, различные приправы...

А вот скоропортящиеся продукты, очевидно, покупались ею ежедневно и потреблялись свежими, потому и был пуст холодильник, когда вчера я впервые появился в этой квартире.

Пока мясо тушилось, я очистил и нарезал лук, после чего пошел наверх в отведенную мне комнату и принялся считать наличность.

Деньги в поездки я всегда беру с запасом, а тут ездил на Кавказ к людям, которых не видел 40 лет, поэтому в данный момент у меня с собой оказалось около 30 тысяч рублей.

По нашим барнаульским меркам это была огромная сумма.

Я отложил 7 тысяч на обратный билет, еще три тысячи на текущие расходы, а оставшиеся деньги засунул в карман. Надел свои джинсовые одежды и собрался спуститься вниз, но вспомнил об одно дельце.

Я заглянул в спальню Жени, остановился у двери и внимательно обвел ее взглядом. Женю я привел сюда ночью, в полумраке, а утром не озаботился осмотреться как следует.

Портрет молодого человека стоял, естественно, на тумбочке у кровати.

Процедура, подобная проделанной вчера с фото Леонида,

подтвердила происшедшее на спиритическом сеансе – данного молодого человека не было среди нас, живых.

Мне не было его жаль – ненавижу наркоманов! Да и смерть Лени-художника особой скорби почему-то не вызывала...

Я медленно спустился вниз по лестнице, размышляя и прикидывая варианты. Юрий Кудрявцев неприятным оказывался человечком...

Мясо было почти готово, я засыпал в кипящие в жиру куски мяса лук, посыпал сверху майораном и, выключив плиту, накрыл казан крышкой, а сверху положил сложенное полотенце.

Засунул в карман мобильный телефон, оставленный Женей, снял с крюка внутри платяного шкафа возле двери комплект оставленных для меня ключей, и отправился в город.

Было полдесятого утра, солнышко уже встало и ласково освещало московские улицы и переулки. Таджики-дворники уже отработали смену, поэтому тротуары были чистыми. А вот автомашины не успели перенасытить воздух выхлопными газами.

В общем, я не шел по делам, я гулял. Неторопливо брел улочками в сторону проспекта Вернадского и метро «Университет» и размышлял о своем заветном мужиковом.

О том, в частности, какое решение принять вечером.

Проблема заключалась не только в Кудрявцеве. А глав-

ным образом в том, что я не любил женщин.

Ну, не в смысле физиологических отношений полов – здесь все было в порядке, просто по складу характера и психологическим особенностям мне настолько трудно уживаться с женщинами, что я просто не могу их любить.

Они – не как мы, они – другие. И если кто-то из мужчин вам скажет, что лично вот он, мол, досконально изучил бабью натуру – не верьте! Мужчине не дано **ДОСКОНАЛЬНО ИЗУЧИТЬ ЖЕНСКУЮ СУЩНОСТЬ**.

Вам кажется, что вы знаете свою жену. И все у вас идет, как нужно – что называется – л а д к о м, и вдруг она выкидывает коленце...

Неожиданно, на ваш взгляд – н е м о т и в и р о в а н н о, но это – на ваш взгляд.

При взаимном объяснении выясняется, что у нее – своя логика. И эта логика, согласно нашим мужским представлениям, ничего общего, вообще-то, с фундаментальной логикой не имеет. Потому что женская логика, в отличие от логики мужской, проистекает от эмоций, а не из расчета.

Если мужчина начинает действовать от эмоций, его быстро все начнут считать психом. Если женщина начнет действовать **РАЦИОНАЛЬНО**, окружающие будут называть ее не иначе, как «мужиком в юбке».

Мы – противоположны по отношению к окружающей среде и по реагированию на ситуации, в этой среде возникающие.

Но это – общие рассуждения.

У меня с последней женой, с которой я прожил 15 лет, в данный момент были отношения добрососедства, сходные с отношениями проживающих на общей коммунальной площади соседей.

То есть мы помогали друг другу и вынужденно мирились с совместным существованием.

Почти не ссорясь.

А ведь как все начиналось...

Мне было 40, ей – 39 лет, нас познакомила общая знакомая, и мы быстро решили попробовать жить вместе. Ну, а чего тянуть – не подростки ведь – взрослые люди!

Первые годы я буквально обволакивал ее вниманием. Встречал после работы, мы ежемесячно отмечали дату нашего знакомства – я готовил праздничный ужин и покупал в этот день цветы (мы познакомились 23-го числа).

Когда ей захотелось зарегистрировать брак – мы это сделали через пару месяцев совместной жизни.

По выходным утром я обязательно готовил и подавал ей в постель кофе и бутерброды.

Я взял на себя постоянную заготовку продуктов и кухонные дела (готовил еду я, а не она).

Когда по выходным она долго спала, а я вставал раньше и готовил завтрак, я ходил на цыпочках, чтобы не разбу-

дить ее.

Одним словом, когда-то я дал ей слово сделать ее счастливой, и старался слово сдержать. Обеспечивая такое счастье, каким, естественно, понимал его я сам...

Но я совершенно не учитывал главного – мы РАЗНЫЕ. Она – женщина, и этим все сказано.

Через два-три года я перестал организовывать ежемесячные праздники 23-го числа, а через пять лет как-то незаметно истаяла традиция подавать кофе в постель.

И знаете, что самое поразительное? По-моему, она даже не заметила всего этого.

Пытался ли я объяснять ей, воспитывать ее, у ч и т ь? Ведь я был женат неоднократно, а она впервые вышла замуж за меня.

Пытался! Но однажды во время проникновенного моего монолога о том, к а к о н а не права, моя жена вдруг заорала дурным голосом. Естественно, я замолчал, и до меня вдруг дошло, что это не она глупая, это я – д у р а к.

Бессмысленно учить того, кто просто не желает учиться, а считает, что он все знает и сам.

Я проанализировал ситуацию. Ну почему же все то, что я делаю для нее, ею не ценится? В лучшем случае – воспринимается, как должное! И понял.

Она жила до сорока лет одна, она давно «поставила на замужестве крест». У нее сложилась за много лет своя жизнь, свои предпочтения, пристрастия и порядок симпатий.

Она любит родственников. Она любит и не может не общаться с подругами. Она добросовестный работник, и по своему любит свою работу.

Так было до меня. Так **ОСТАЛОСЬ И ПОСЛЕ ПОЯВЛЕНИЯ В ЕЕ ЖИЗНИ МЕНЯ.**

Табель о рангах пристрастий моей женушки складывался так:

- любимые родственники;
- любимые подруги;
- работа;
- мои родственники (!?!?!), и потом уже – я.

Можно много говорить о своих обидах, но лучше вспомнить еще раз, что она – ж е н щ и н а. А значит – не виновата ни в чем.

Она просто другая. И поэтому к данному моменту мы скорее были не супругами, а просто добрыми соседями. То есть и супружеских обязанностей по отношению друг к другу мы уже несколько лет не выполняем.

Впрочем, опять же это я – фактически 35—40-летний мужчина (в силу особенностей организма, которые приобрел в ходе опасной десятилетней работы)! а она – женщина, чей возраст приближается к 60-ти, так что ей-то эта вся сексуальная лабуда – скорее всего, по барабану... Ну, вы понимаете.

А в принципе – я, наверное, л ю б я, ужился бы с умной, но слабого характера женщиной, которая, в свою очередь, очень бы меня любила.

И ценила бы все, что я для нее делаю.

Моя же Аня – вдобавок, по характеру строптива. На каждое мое слово она обязательно найдет противоположное слово, на мое мнение – высказывает собственное, а оно считается всегда правильным...

Ну, такой вот у человека женский характер...

Так что я не виню ее. Но иногда – срываюсь, начинаю ей что-то доказывать, в чем-то ее убеждать, а потом в глубине души понимаю про себя – вот и опять ты – дурак!

Ну, просто она тебя не любит и не уважает. И нельзя ее винить за это – в ее шкале ценностей ты не смог подняться хотя бы на один пункт выше. Так уж вышло...

Или тебе просто не повезло с женой...

Но, господа мои, я пришел! Словно бы «на автомате» я уже входил в помещение психиатрической и психологической консультации возле метро «Университет». Добрел незаметно, перебирая грустные мысли...

Консультация у детского психиатра стоила мне 3 тысячи, так как прием вел профессор, и я внес их в кассу.

Поясню, что я делал в этом учреждении. Меня интересовало, какие последствия может иметь мое возможное исчез-

новение из жизни пятилетнего мальчика. Который уже пережил потерю любимого отца и мог оказаться в ситуации повторной потери папы.

– Профессор, я задаю вам вопрос гипотетический... Я понимаю, что вам желательно увидеть конкретного мальчика, поговорить с ним и определить его психологические особенности, состояние его психики. Но этого – не будет! Я не могу вам объяснить – почему, но – нет!

Просто чисто по-человечески прошу оказать любезность – на гипотетический вопрос дать ответ о гипотетических негативных вариантах возможных последствий для мальчика – если он вновь потеряет отца.

Вот квитанция об оплате ваших услуг. Поэтому я прошу вас не просто с к а з а т ь, а обязательно написать ваше заключение (гипотетическое, не более!) на вполне реальном бланке вашей консультации.

– Это невозможно! – возмущенно заявил мне, тряся реденькой бородкой, еще вполне молодого возраста профессор.

– Да ну, невозможно... – спокойным ровным голосом парировал я, доставая пятитысячную купюру и подсовывая ее под журнал регистрации приема. – Возможно! Может быть, и не стоит регистрировать т а к о й прием посетителя в этом журнале, но бумажку-то написать и неразборчиво подписать... Чего же тут невозможного? Вот только писать на бумажке нужно правду и только правду!

Уже несколько минут я смотрел ему прямо в глаза и направлял свой биоэнергетический посыл.

Ну, а чего, черт возьми! Я же не просил у него изготовить мне фальшивку – ну не мог я мальчика с фамилией Кудрявцев «светить» у психиатра!

– Ну, хорошо! – сдался профессор, и, придвинув к себе стопку бланков консультации, потянулся за ручкой.

– Одно пожелание! – попросил я. – Научным языком, пожалуйста, и только возможные, я подчеркиваю, профессор, возможные! негативные последствия. Два-три варианта.

А мне – расшифруйте записи на словах простым русским крестьянским языком...

Что и было сделано через пятнадцать минут. А денежная бумажка как-то незаметно исчезла – ну, как испарилась, со стола.

Я же взял из стаканчика на столе ножницы и на глазах профессора аккуратно, но специально неровно на месте разделения отрезал верхушку бумаги, на которой был отпечатан логотип учреждения.

Для вящего профессорского спокойствия.

Отovarиваться мне пришлось все-таки не в бутиках, а на Юго-западном вещевом рынке на проспекте Вернадского.

В соответствии с количеством оставшихся у меня денег.

Купил пару неплохих рубах, два галстука, которые гармонировали и с расцветкой рубах, и джинсовой курткой. Также купил в киоске гранат и направился «домой». И тут зазвонил телефон.

– Это я, – голос Евгении был ровен и я обрадовался. Наверное, никто не встретился ей из участников позавчерашнего сеанса.

– Я уже еду домой, – продолжала она. – Ничего не нужно купить?

– Нет. Я тоже иду домой. Ну, или в свое временное жилище. Обед будет готов в срок.

После этого я позвонил на квартиру и, услышав голос Любы, убедился, что они с Ваней дома и пока «на фронте все без перемен».

Но перемены неумолимо приближались – до появления Кудрявцева оставался один день...

Глава 7-я

Добраться к а к б ы домой – все-таки уж буду пока эту роскошь в Козицинском переулке называть домом, пусть, возможно, и на пару дней всего, зато приятно будет вспомнить) – я успел раньше Жени.

У дверей меня встретил визжащий от восторга к а к б ы сын, и я вручил ему «чупа-чупс» определенного сорта – узнал по телефону у Жени, что именно любит Ваня.

Раздевшись и сразу же пройдя на кухню, я включил плиту под теплым еще казаном и принялся доготавливать плов. Люба, держа на руках Ваню, стояла рядом – что называется, буквально дышала мне в затылок. Они внимательно наблюдали за моими манипуляциями – надо полагать, учились правильно готовить плов.

И Люба, и Ваня.

Я же очистил гранат, попробовал алое зернышко и удовлетворенно хмыкнул – гранат оказался сладким, как я и выбирал.

Затем я достал пустую кастрюлю и высыпал в нее рис. И начал промывать его, как учит восточная кулинария, «в семи водах». А проще говоря – семь раз.

Взял чайный бокал, налил в него горячей воды, насыпал соли и как следует размешал ложкой. Наконец, достал из холодильника сливочное масло.

Все было готово для закладки риса.

Я открыл казан, в котором кипело в жиру мясо, высыпал из кастрюли промытый рис, выравнивал его в казане, затем вылил подсоленную воду. Засыпал сверху рис гранатовыми зернышками, отрезал и положил сверху кусок масла. Затем долил водой до образования слоя жидкости высотой примерно в два пальца.

Плотно закрыл казан и стал ждать.

Закипело примерно минут через десять. Я убавил нагрев электроплиты до минимума, плотно закрыл крышку казана и укрыл его принесенным из душевой махровым полотенцем.

– Все! – сказал я Любе. – Накрывайте на стол, минут через десять ставьте разогревать борщ, заваривайте свежий чай – плов будет готов минут через двадцать!

Дверь хлопнула, Женя, с пунцовыми щеками и ярко-голубыми глазами, в которых плескалась радость, влетела на кухню, втянула носом воздух и заявила, что пахнет божественно, что она страшно голодна, а как вел себя Ваня, а я – я все успел сделать из того, что хотел?.. А вот у них сегодня в университете была интереснейшая лекция об эпицентре появления НЛО в районе Курской магнитной аномалии...

Мы не успели «ох!» сказать, как она уже сбегала в душевую, вымыла руки и сидела за столом, не переставая трещать обо всем на свете...

Так что обед, таким образом, прошел весело.

Потом Люба мыла посуду, а я, по просьбе Вани, укладывал его в постель. Короткая сказка, придуманная мной тут же, у кровати, усыпила парня, и я спустился на кухню, заставил хлебающую чай Женю поставить чашку, уцепил ее за локоток и повлек в гостиную.

Я включил телевизор, убавил звук, основательно устроился за столом и сказал:

– Присаживайтесь и вы, мадемуазель! И давайте уже поговорим о нашем общем деле!

Женя как-то сжалась, радость с лица испарилась, словно по волшебству.

Мне было страшно ее жаль, и тем не менее я сказал:

– Евгения, нужно что-то решать. Ну нельзя подобно страусу прятать голову в песок и считать, что проблема решена. Вы хотели мне что-то предложить – давайте сначала выслушаем вас и обсудим предложение, потом, возможно, что-то предлагать и решать придется мне...

– Виктор, я хотела вас попросить вот о чем...

Она встала, сдвинула большую картину, которая видела рядом с телеэкраном, и открыла дверцу вмонтированного в стену сейфа.

Вернувшись к столу, она подошла ко мне и положила передо мной пачку оранжевого цвета купюр, обернутую банковской лентой.

– Вы ведь пенсионер, верно? Так что своим временем можете располагать по желанию... Это деньги, чтобы вы могли постоянно летать в Барнаул и обратно...

Я было открыл рот, чтобы поинтересоваться – а чего ради я должен летать из Барнаула в Москву – и обратно? Но она приложила ладошку к моим губам.

– Пожалуйста! – она смотрела на меня умоляюще, и я закрыл рот. – Мне трудно сформулировать то, о чем я хочу вас попросить, но... но я хочу попросить вас побыть, сколько вы сможете, отцом Вани.

Вы сами видите, как он вас любит, он вам в рот смотрит... Знаете, после вашего появления он как будто стал другим ребенком – веселым, послушным, да что это я – вы ведь и сами все видите...

Ваня – мальчик, которому нужна полная семья, и я хочу попытаться ради него...

Она говорила что-то еще, но мои мысли были далеко.

Я вспоминал, как моя жена Аня всегда все делала по-своему. Что бы я не попросил – я никогда не мог быть уверен, что это будет сделано так, как я планировал. Она всегда делала все «Как лучше», то есть – по своему разумению. А мне хотелось ей на это всегда отвечать фразой актера Басилашвили из кинофильма «О бедном гусаре замолвите слово»: «Не нужно, как лучше. Нужно, как положено...»

Положенным я считал то, что говорил я.

Почему-то вспомнилась телефонная розетка в моей ком-

нате, из которой Анна никогда на ночь не выдергивала соединительный штеккер параллельного телефона, а в результате частенько ранним утром меня будил телефонный звонок, я брал трубку, и слышал из нее полный патоки голос очередной подруги: «Ой, Анечка, я тебя не рано побеспокоила?», а я клал трубку и сжимал зубы, потому что в табели о рангах ее подруг сама Аня Петрова – была, а вот семьи Виктора и Ани Андрейчук – не было. А потому беспокоиться о том, что ее звонок поднял с постели ни свет ни заря не только Аню, но и еще кого-то – не стоило...

Что из того, что этот человек, возможно, всю ночь мучился бессоницей и уснул лишь под утро?

Почему-то встрял в мои мысли также пьяница сосед, которого моя супруга регулярно привлекала к мелким ремонтам в нашей квартире – трубу подкрутить, свет наладить... Он все ломал, а мне приходилось искать мастеров, чтобы переделывать, и я буквально бесился от этого, и орал ей: «Сколько можно говорить – я запрещаю звать Петьку! Чего ты-то в это лезешь? Ремонт – дело мужское, я сам разберусь!», а она молчала и через некоторое время, словно бы мне назло, пьяный Петька вновь копался у нас дома...

Так что лично я с охотой бы принял предложение Жени. С радостью, если бы это зависело только лишь от нее и меня...

– Стоп, Евгения! – сказал я. – Почему бы тебе не ве-

сти меня в курс дела полностью? Например, рассказать, кем, собственно, является твой брат?

Она словно споткнулась на слове – и замолчала.

А я – нет!

– Кудрявцев Юрий Борисыч, – размеренно говорил я, глядя в ее лицо. – Гендиректор и почти полный владелец АО РЭС... Апостол демократии, опора президента, правительства России и друг Запада, да что там просто друг – просто друг закадычный! Гений приватизации, и по слухам – человек злопамятный, обид не прощающий...

Я встал, обнял за плечи безвольно приникшую ко мне девушку (нет, ну какого черта, она же не виновата, что у нее такой брат!), подвел к большим креслам, стоящим напротив телеэкрана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.